

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
Томский
государственный
университет

Всероссийская
научно-практическая
конференция

Создание условий для успешного развития ребёнка:

взаимодействие образования,
государства, общества

26–27 НОЯБРЯ 2014 г.

Сборник докладов

17. Симонова Н. Н. Психологические детерминанты десинхронозов в профессиональной деятельности нефтяников при вахтовых методах организации труда / Т.С. Калачникова, Н.Н. Симонова // Психология и современный мир: материалы IX Международных Ломоносовских научных чтений: Ч.1 / под ред. Е.В. Казаковой. – Архангельск: Поморский университет, 2007. – С. 119-121.
18. Симонова Н.Н. Профессиональное выгорание в разнотипных профессиях / Ю.А. Чуркина, Н.Н. Симонова // Материалы международной научной конференции «Психология и современный мир». Вып. 2. Ч. 1 / Под ред. Е.В. Казаковой. – Архангельск: Поморский университет, 2009. – С. 215–217. (0,1 п.л)
19. Симонова, Н.Н. Социальный десинхроноз при нетрадиционных режимах труда и отдыха / Е.И. Заварзина, Н.Н. Симонова // Материалы международной научной конференции «Психология и современный мир». Вып. 3. Ч. 1 / Под ред. Е.В. Казаковой. – Архангельск: Поморский университет, 2010. – С. 237-239.

Доклад

Екатерины Борисовны Хитрук,

*доцента кафедры онтологии, теории познания и социальной философии философского факультета НИ ТГУ,
канд.филоос. наук*

Феномен «отсутствующего отцовства» в философском контексте.

Современное российское общество переживает ряд существенных трансформаций. Одним из таких изменений является тенденция «потери отца». 26 апреля 2012 года на Пятом съезде детских омбудсменов уполномоченный при президенте РФ по правам ребенка Павел Астахов сообщил, что число неполных семей за последние годы выросло в России до 30%]. Матерей-одиночек насчитывается в России в 2012 году 5,6 миллиона. Эта цифра, однако, не учитывает количество детей, которые официально имеют отца, однако фактически с ним не проживают и не общаются. Более того, тенденция «потери отца» касается даже полных семей, поскольку во многих из них отец полностью поглощен процессом зарабатывания денег, личными увлечениями,

в худшем случае – асоциальными, ведущими к деградации личности занятиями. Даже присутствуя в семье физически, как кормилец и номинальный глава, мужчина может отсутствовать в жизни своего ребенка в качестве отца. В исследовательской литературе эта печальный феномен получил название «отсутствующий отец». Отечественная исследовательница Ирина Клецина определяет данное явление следующим образом: ««Отсутствующий отец» — это отец, который практически не включен в повседневную жизнь своего ребенка (детей) либо утратил контакт с детьми вследствие развода; другими словами, отсутствующий отец — это мужчина, не имеющий психологического или физического контакта со своими детьми». Причины этого сложного явления связываются, как правило, с общим кризисом маскулинности, который с конца 1970-х гг. неизменно фиксируется в различных социальных исследованиях, как на Западе, так и в России.

Таким образом, проблема отсутствующего отцовства должна быть рассмотрена и осмыслена, прежде всего, в контексте общего кризиса мужественности, который связан главным образом с тем, что реальные практики маскулинности в современном трансформирующемся обществе входят в противоречие с традиционным представлением о «настоящем мужчине», или, как это принято обозначать в социальных науках, с классическим эталоном маскулинности.

Классический эталон маскулинности рассматривает мужское поведение в контексте определенной, обусловленной философским дуализмом, структуры бинарных оппозиций: разум/чувства, трансцендентное/имманентное, духовное/телесное, внешнее/внутреннее, активное/пассивное и т.д. Мужественность должна быть воплощением первого ряда категорий и только тогда она представляет собой осмысленное и достойное уважения явление – «настоящую мужественность». Если обратиться к западной философии, то первый пример такого соотношения мужского начала с положительной стороной мироздания можно встретить еще у Пифагора: весь мир имеет две стороны: 1. Хорошее, прямое, нечетное, мужское. 2. Плохое, кривое, четное, женское. С тех пор это распределение повторяется множество раз и закрепляется на множество ладов. Пока речь идет об абстрактном представлении об устройстве мироздания вообще эта взаимосвязь маскулинности с общим дуалистическим принципом мироописания – не более чем отвлеченный принцип отвлеченной теории. Однако перенесенная и распространенная на

внутри семейное пространство, она трансформируется в совершенно определенную роль отца, влияющую на становление личности рожденного и воспитываемого в конкретной семье ребенка.

Классическое представление о маскулинности предполагает формирование в мужчине совершенно определенных качеств. Их проявления должны быть очевидными во всех сферах жизни. Поэтому традиционное представление о «настоящем мужчине» в семейных отношениях реализуется, прежде всего, в образе «традиционного отца». Иногда современная тенденция «потери отца» считается следствием отхода как раз от традиционной практики отцовства. Однако это в корне неверно: современная практика отсутствующего отцовства, рассмотренная в контексте классического представления о мужественности является прямым логическим и практическим следствием традиционного отцовства.

Попробуем обосновать этот тезис:

Основными характеристиками «традиционного отца» в традиционной семье признаются как правило следующие важные качества: рассудительность, властность, ориентация на вне семейную реализацию. Традиционный отец как кормилец и глава семьи, отсутствует в повседневной жизни младенца до тех пор, пока тот не начнет проявлять человеческие/мужские качества – сообразительность, рассудительность, активность и т.п.

Необходимо также отметить еще один немаловажный признак традиционного отца, тесно связанный с классическим представлением о «настоящей мужественности». Мужское в противовес женскому презентуется как разумное начало в противовес чувственному. Следовательно, проявление чувств, в том числе и по отношению к своим детям, считается недостойным мужчины. А это, в свою очередь, ведет к отсутствию эмоционального контакта и взаимопонимания со своими детьми, что, конечно, способствует поддержанию дистанции и утверждению властного авторитета отца, однако лишает его искреннего и доверительного отношения со стороны детей. Таким образом, властный отец нередко оказывался «чуждым» своим собственным детям, не ухаживая за ними в младенчестве, не разделяя их радости и тревоги в юности, оставаясь уважаемым, но «посторонним» человеком для них в зрелости.

Выявленные выше характеристики традиционного отца могут быть обозначены понятием «отсутствие», поскольку, подчиняя отцовскую роль классическому эталону маскулинности,

исключали мужчину из чрезвычайно значимых сфер становления личности ребенка.

Что же характеризует современных «отсутствующих отцов»? Игорь Кон разъясняет представление о современном отцовстве посредством следующих четырех характеристик:

- «1) Рост безотцовщины, частое отсутствие отца в семье;
- 2) Незначительность и бедность отцовских контактов с детьми по сравнению с материнскими;
- 3) Педагогическую некомпетентность, неумелость отцов;
- 4) Незаинтересованность и неспособность отцов осуществлять воспитательные функции, особенно уход за маленькими детьми»

Как видим, все, кроме первого, признаки «отсутствующего отца» уже встречались у «отца традиционного», а, следовательно, также могут быть поставлены в зависимость от классического эталона маскулинности. Мужчины не умеют выражать свои чувства, заботиться о детях, тем более в младенческом возрасте, не заинтересованы в эмоциональной близости с детьми, остаются чуждыми для них в зрелом возрасте. Более того, современные трансформации на рынке труда, появление конкуренции с женщинами, лишают мужчину традиционного места главы семьи и ее единственного кормильца, а, следовательно, избавляют его от обязанности физического присутствия в семье. Но даже там, где формально сохраняется полная семья «отсутствующий отец» - явление не редкое. Как отмечает И.С. Клецина, «такое исполнение отцовской роли в наибольшей степени характерно для мужчин, работающих в старом секторе экономики и занятых трудом невысокой квалификации. Они не видят перспективы в передаче детям своих навыков и того, чему их учили родители, у них значительно снижен интерес к занятиям как с сыновьями, так и с дочерьми. Такие отцы, по свидетельству матерей, демонстрируют худшие образцы самоутверждения в своей маскулинности — авторитарность, агрессию, насилие, уход в алкоголизм. Основная стратегия общения с подростками в таких случаях — запреты и наказания вместо поощрения и демонстрации положительных видов деятельности».

Отрицательные последствия «отсутствующего отцовства» в обоих его проявлениях ярко демонстрируют социологические исследования. Как показывают, например, опросы школьников только 8% подростков из неполных семей рассматривают своего отца, как пример для подражания. В полных семьях этот показатель выше только на 10%. Более того за советом в сложных

жизненных ситуациях к отцу обращаются только 20 % подростков из полных семей и только 6% из неполных [12. С. условно с.6]. В неполной семье «потеря отца» в серьезной степени повышает экономическую, хозяйственную, воспитательную и эмоциональную нагрузку на мать, что также в определенной степени отрицательно сказывается на ее взаимоотношениях с ребенком. Поэтому почти треть подростков из неполных семей вообще ни с кем не советуется, что порождает феномен «массового социального одиночества детей».

Более того, в ситуации «отсутствия отца» ребенок не получает полноценного представления об отцовской роли в семье, что в дальнейшем влияет и на его отношения с собственными детьми и на понимание ценности отцовства в целом.

Классический эталон маскулинности, разработанный и утвержденный в рамках западной дуалистической философии, предполагает обязательным и онтологически обоснованным реализацию мужчиной следующий качеств:

1. Трансцендентность.
2. Духовность.
3. Разумность.

Традиционное отцовство предполагает реализацию мужчиной в семье следующих качеств:

1. Обеспечение и защита семьи как следствие реализации во вне семейной пространстве. Физическое отсутствие в жизни ребенка, по крайней мере, в младенческом возрасте.
2. Сверхчувственность, то есть отсутствие чувственных проявлений в отношении детей, отстраненность от их повседневных переживаний, отсутствие эмоционального контакта с детьми.
3. Сверхтелесность (соматофобия): отсутствие телесного контакта с детьми (объятий, прикосновений), символическое и отстраненное присутствие в их жизни.

Отсутствующее отцовство предполагает

1. Ориентированность на вне семейную сферу. Физическое отсутствие отца в семье.
2. Полное отсутствие эмоционального контакта с детьми, отчужденность, дистанцированность. Неумение и нежелание находить искренний и дружественный контакт с детьми.
3. Отсутствие телесного контакта с ребенком, как следствие эмоционального и/или физического отсутствия отца в семье.

Приведенное сопоставление традиционной и отсутствующей отцовских ролевых моделей показывает неразрывную связь классического представления о том, что должен собой представлять «настоящий» мужчина с реальными практиками отцовства, которые обладают в нашей стране прямой смысловой и поколенческой преемственностью. Традиционный уклад семьи, будучи искусственно разрушен в Советской России к середине XX века привел к масштабному распространению семей с не по своей воле отсутствующими отцами. И новое поколение, уже не знавшее патриарха, стало осознавать отцовство как необязательную вариативную схему для самоидентификации. Таким образом, властную отстраненность традиционного отца сменила безответственная, потерянная, лишенная каких бы то ни было положительных ориентиров отстраненность отсутствующего отца.

Другими словами, одно из самых важных условий преодоления Россией современной кризисной ситуации – это восстановление здоровья семьи, возвращение отцов к детям. Возвращение эмоциональное, деятельное, радостное. Нашему обществу нужна здоровая семья, и она достижима не через возвращение к идеалу традиционного отца семейства – властного, рационального и отстраненного, но только через смену фундаментальных установок в понимании гендерных ролей не только женщин, но и, главным образом, мужчин. Современность требует новой модели маскулинности, которая может быть эксплицирована через ответственное отцовство, в котором мужчина не должен чуждаться глубокой эмоциональной привязанности к своим детям, не должен считать потерянным для своего статуса «настоящего мужчины» время, проведенное в радостном и плодотворном общении с собственным ребенком.

Как замечает современная французская исследовательница «мужского вопроса» Элизабет Бадентэр «тесный контакт с отцом с самого рождения избавляет мальчика от огорчений и страданий на пути обретения мужественности. Причем эта мужественность будет менее антагонистичной, менее демонстративной, чем традиционная. Она будет основываться на тонких различиях, которые станут столь же естественными завтра, сколь вчера был очевиден оппозиционный дуализм. Отцовская революция, едва начавшаяся сегодня, должна произвести большие перемены для будущих поколений и принести новую мужественность, более разностороннюю и более тонкую, чем традиционная